

САНКЦИИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРАВЕ*

Постановка вопроса

В литературе по теории советского государственного права стало уже почти аксиоматичным положение о том, что государственно-правовые нормы не имеют такого структурного элемента, как санкция. Это положение вошло практически во все учебники по советскому государственному праву.

Разумеется, никто не ставит под сомнение обязательности государственно-правовых норм из-за того, что они не обладают санкциями. В таком случае, чем же обеспечивается эта обязательность? Ответ обычно бывает следующим: высоким авторитетом норм государственного права, их социальным назначением как норм, закрепляющих основные, коренные черты советского общественного и государственного строя; отражением в нормах государственного права кровных интересов граждан, что обуславливает их добровольное и сознательное выполнение. Выполнение предписаний государственно-правовых норм обеспечивается также огромной организаторской деятельностью Советского государства. Их нарушение всегда вызывает отрицательную реакцию. «Всякая государственно-правовая норма, — пишет В.С. Основин, — предполагает реакцию государства и его органов на нарушение предписания, содержащегося в норме»¹.

Из того, что выполнение государственно-правовых норм обеспечивается всей мощью Советского государства, в литературе был сделан вывод: у этих норм есть санкции, как и у норм любой отрасли права; но предусмотрены такие санкции не в самих государственно-правовых нормах, а в нормах других отраслей права. Для получения полного представления о норме надо взять соответствующие положения из разных актов, тогда налицо будут и гипотеза, и диспозиция, и санкция, т.е. все элементы правовой нормы, в том числе государственно-правовой². Таким образом, сторонники данной точки зрения находят санкции норм государственного права в уголовном, административном, трудовом законодательстве. Однако такое представление о правовой норме во многих отношениях уязвимо.

Во-первых, в предложенной конструкции правовая норма неизбежно отрывается от правового отношения как вида общественного отношения, ради

* © Советское государство и право. 1973. № 11. С. 29–36.

¹ В.С. Основин, *Нормы советского государственного права*, М., 1963, с. 36.

² См., например: П.Е. Недбайло *Применение советских правовых норм*, М., 1960, С. 65; Общая теория советского права, под ред. С.П. Братуся и И.С. Самощенко, М., 1966, с. 191–192; И.Е. Фарбер, В.А. Ржевский, *Вопросы теории советского конституционного права*, Саратов, 1967, с. 37–38.

закрепления которого и появилась сама норма. Нормы каждой отрасли права регулируют определенный вид общественных отношений. Дифференциация общественных отношений по видам в качестве предмета правового регулирования производится не условно, а по хорошо известным объективным критериям, связанным прежде всего с характером самих отношений. Представим эту «комплексную» норму, состоящую из государственно-правовой гипотезы и диспозиции и «отраслевой» санкции. Есть ли такой вид общественных отношений, точнее говоря, правоотношений, который возникает на основе данной нормы? Нет. Есть два взаимно связанных, но тем не менее самостоятельных вида правоотношений: государственно-правовое и, например, уголовное, трудовое.

Во-вторых, если следовать рассматриваемому способу формулирования государственно-правовой нормы, возникает весьма противоречивая конструкция применительно к той «отраслевой» норме, из которой взята санкция. В самом деле, нельзя же включить в государственно-правовую норму санкцию, оставив без нее гипотезу и диспозицию «отраслевой» нормы. Если же объединить из-за санкции в одну норму две гипотезы и две диспозиции разной отраслевой принадлежности, получится весьма сложная и неестественная норма. Ее трудно было бы отнести к какому-либо конкретному виду норм. А главное — здесь теряет свое «лицо» государственно-правовая норма. Не проще ли сказать, что на защиту государственно-правовой нормы направлена не только санкция, но и вся «отраслевая» норма? Тогда было бы гораздо легче понять их взаимное соотношение, тесную связь норм. Однако на этом правильном выводе не всегда акцентируется внимание, а попытка связать государственно-правовую норму с «отраслевой» санкцией рождает новый аргумент. Его суть в следующем: нормы отраслей права, содержащие санкции за нарушение предписаний государственно-правовых норм, не имеют «чисто» своих гипотез и диспозиций. В их качестве выступают государственно-правовые гипотезы и диспозиции, повторенные нормой отраслевого, прежде всего уголовного, закона.

Однако достаточно обратиться к нормам УК, чтобы убедиться в том, что подавляющее их большинство³, формулируя составы преступлений с учетом конституционных положений, при необходимости развивает и детализирует их. При этом рождаются уже уголовно-правовые диспозиции и гипотезы. Применительно к другим отраслям тезис о тождестве диспозиций и гипотез также не выдерживает критики, поскольку административная и дисциплинарная ответственность наступает в связи с нарушением правил, четко сформулированных нормами административного и трудового права.

По указанным соображениям вряд ли можно признать приемлемой попытку поиска государственно-правовых санкций в отраслевых нормах.

³ За исключением, пожалуй, ст. 135 (нарушение тайны переписки), ст. 132–133 УК РСФСР (ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав и подлог избирательных документов).

Способы обеспечения выполнения предписаний государственно-правовых норм

Итак, могут ли быть санкции у государственно-правовых норм или нет; есть ли и нужны ли они в государственном праве? При решении данной проблемы, по нашему мнению, исходными должны стать положения о путях и средствах обеспечения выполнения предписаний, содержащихся в нормах государственного права, об ответственности субъектов государственно-правовых отношений и о характере данных отношений.

Начнем с того, что каким бы ни был подход к проблеме санкций, непреложным остается одно: субъекты государственно-правовых отношений несут (и должны нести) ответственность за свои действия, поступки, поведение. Ответственность субъекта государственно-правового отношения — это *политическая* ответственность, поскольку он выступает в сфере реализации политических интересов, осуществления политической власти и ее функций. Вместе с тем это ответственность *правовая*, поскольку она формализуется в статьях нормативных актов. Оба названных свойства переплетаются, поэтому можно говорить о *политико-правовой ответственности* субъектов государственного права.

Политическую ответственность субъекты государственно-правовых отношений несут всегда — каждый из них осуществляет целенаправленную деятельность, обусловленную его ролью в механизме социалистического народовластия, теми политическими интересами, которые определяют содержание этой деятельности. Политически ответственное поведение субъектов государственно-правовых отношений обеспечивается и возможностью оценки их деятельности со стороны других субъектов тех же отношений.

Юридическая ответственность играет подчиненную роль по отношению к политической ответственности, причем в государственном праве это проявляется наиболее выпукло. По существу, государственно-правовая ответственность представляет собой формализацию критериев политической оценки поведения субъектов государственно-правовых отношений как должного или недолжного. Насколько возможно само это юридическое оформление ответственности, в каких пределах? В чем конкретно она выражается и может ли повлечь возникновение специальных государственно-правовых санкций? Ответить на данные вопросы можно, лишь обратившись к специфике государственно-правовых отношений. Известно, что они делятся на две большие группы: общие государственно-правовые отношения (правовое состояние); конкретные государственно-правовые отношения⁴. Соответственно и нормы государственного права делятся на две группы: регулирующие общие либо конкретные отношения.

Общие правоотношения в государственном праве — самые важные, политически наиболее значимые правоотношения, выражающие коренные особенности общественного устройства, положение граждан в обществе и в государстве, национально-территориальной организации государства, системе

⁴ См. «Государственное право СССР», под ред. С.С. Кравчука, М., 1967, с. 23.

его органов. Для общего правоотношения (правового состояния) характерно то, что однажды возникнув, оно существует постоянно. Общее государственно-правовое отношение уходит своими корнями в социально-политические, экономические, классовые устои советского строя. В этом — залог реальности соответствующих государственно-правовых норм. Но, кроме того — и это надо еще раз подчеркнуть — именно здесь действие данных норм обеспечивается и тем, что на их защиту направлена вся система советского права (в том числе вся совокупность отраслевых санкций)⁵.

Каков же юридический механизм практического обеспечения реализации предписаний этой группы норм посредством других отраслей права? На наш взгляд, в качестве примера можно взять один из видов общих государственно-правовых отношений — отношения, возникающие в связи с реализацией конституционных прав и обязанностей граждан. Л.Д. Воеводин в связи с этим отмечает, что для осуществления конституционных прав и обязанностей граждане вступают в те или иные конкретные правоотношения. В результате возникновения этих правоотношений граждане приобретают уже новые права и обязанности, представляющие собой одно из конкретных проявлений тех многочисленных возможностей, которые заключаются в концентрированном виде в соответствующем конституционном праве или обязанности⁶. И далее: неисполнение конституционной обязанности или ненадлежащее пользование основным правом означает также нарушение соответствующих им отраслевых обязанностей и прав, что и служит основанием для различных видов юридической ответственности⁷.

Такое же положение можно наблюдать и применительно к другим государственно-правовым нормам, на основе которых возникают общие правоотношения.

Означает ли все сказанное, что государственно-правовые нормы, закрепляющие общие правоотношения (т.е. конституционные нормы), реальны лишь в опоре на отраслевые нормы, сами же по себе не способны обеспечить выполнение содержащихся в них предписаний? Нет, такой вывод был бы неверным. Выполнение этих норм обеспечивается не только тем, что они обладают высоким авторитетом и получают поддержку всей системы советского права. Сами они также содержат средства обеспечения своего выполнения. Такие средства могут быть различными, но положенный в их основу принцип един: поведение, соответствующее содержанию их предписаний, признается конституционным; поведение, не соответствующее правилу, содержащемуся в конституционной норме, — неконституционным. Признание какого-либо действия, поведения противоречащим Конституции, нарушающим ее нормы, на основе которых возникают общие правоотношения, предполагает примене-

⁵ См. О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, с. 160.

⁶ См. Л.Д. Воеводин, Конституционные права и обязанности советских граждан, М., 1972, с. 109.

⁷ Там же, с. 68.

ние государственно-правовых средств обеспечения должного поведения. Возможно, таким образом, возникновение конкретных государственно-правовых отношений правоохранительного содержания.

Обратимся теперь к конкретным государственно-правовым отношениям, субъекты которых не статичны, а постоянно совершают какие-либо действия, вступают в сношения друг с другом. Это — национально-государственные отношения; отношения по выборам депутатов Советов; отношения, возникающие в связи с деятельностью представительных органов. В каждом случае существуют особые способы обеспечения реализации предписаний государственно-правовых норм, регулирующих данные отношения. Причем все они предусмотрены в нормах государственного права.

Рассмотрим указанные группы отношений, прежде всего национально-государственные, субъектами которых выступают советские государства — Союз ССР, союзная республика, автономная республика. Специфика этих отношений обусловлена тем, что они возникают между субъектами национальной государственности, т.е. теми субъектами, между которыми исключены отношения власти и подчинения. Каждая сторона в данном правоотношении в пределах прав, принадлежащих ей в соответствии с предварительно произведенным распределением компетенции между ними, самостоятельна. Естественно, что каждый субъект несет политическую ответственность за свои действия перед другими субъектами национальной государственности, поступая таким образом, чтобы его деятельность не наносила ущерба, а сочеталась с интересами других.

Юридический механизм отражения этой ответственности своеобразен. Он выражается прежде всего в закреплении приоритета более высокого интереса, т.е. приоритета закона союзной республики перед законом АССР, закона Союза ССР перед законом союзной республики (ст. 21 Конституции РСФСР, ст. 20 Конституции СССР). Отсюда — возможность органа власти Союза или союзной республики требовать от органа власти входящего в их состав государства приведения в соответствие закона АССР или союзной республики с законом союзной республики или Союза ССР. Причем, приведение закона в соответствие производится органом власти самого государства, к которому обращено требование (иного порядка из действующих конституционных положений не вытекает).

Итак, применительно к рассмотренной сфере государственно-правовых отношений юридический механизм отражения политической ответственности соответствующих субъектов отношений не приводит к возникновению для них юридической ответственности в общепринятом смысле, тем более нельзя здесь говорить о санкциях. Способ, посредством которого обеспечивается в данном случае выполнение норм государственного права, регулирующих национально-государственные отношения, — это конституционный, контроль (надзор). Он дополняется также широкой организаторской работой каждого государства и его органов с тем, чтобы исключить возможные коллизии из практики национально-государственных отношений.

Применительно к сфере правоотношений по выборам в Советы существует несколько способов обеспечения выполнения требований норм избирательного права. Первый, самый распространенный, — организаторская работа компетентных государственных органов, общественных организаций, избирательных комиссий, агитколлективов.

Второй способ — это возможность кассационного обжалования решения компетентного субъекта избирательного правоотношения, рассмотрение того же вопроса другим компетентным субъектом правоотношений по выборам и принятие им решения, которое является окончательным по данному вопросу. Это средство обеспечения правильного осуществления требований законодательства по выборам в Советы не является санкцией. Решение, которое обжалуется, может остаться в силе. Не исключено принятие иного решения, что может быть обусловлено другой оценкой ситуации. Здесь имеет место положение, во многом аналогичное тому, которое возникает при кассационном обжаловании приговора суда или решения административного органа.

Третий способ обеспечения выполнения норм советского избирательного права — возможность возникновения уголовного правоотношения в связи с организацией и проведением выборов. Так, согласно ст. 100 Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР «всякий, кто путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину РСФСР в свободном осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет РСФСР, несет установленную законом уголовную ответственность». Такая же норма есть во всех Положениях о выборах. А уголовная ответственность предусмотрена ст. 132 УК РСФСР. Есть ли в ней санкция указанной государственно-правовой нормы?

Здесь необходимо, по нашему мнению, учесть следующее. Государственно-правовое значение указанных статей Положений о выборах состоит в том, что они имеют целью обеспечить нормальное возникновение и развитие избирательных правоотношений. И совершенно ясно, что уголовно-правовая санкция применяется по к субъекту государственно-правового отношения, ибо само это отношение еще не возникло, именно возникновению его и препятствует виновное лицо. Тесная связь двух правоотношений — уголовно-правового и государственно-правового — очевидна, но также очевидна и их самостоятельность.

Согласно ст. 101 Положения о выборах в Верховный Совет РСФСР «должностное лицо или член избирательной комиссии, совершившие подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов или нарушение тайны голосования, несут установленную законом уголовную ответственность». Аналогичные предписания есть и в других Положениях о выборах. Ответственность предусмотрена в ст. 133 УК РСФСР.

Когда в этой санкции УК видят элемент государственно-правовой нормы, то при этом не берутся в расчет следующие факторы. Во-первых, нарушения, которые допускаются виновными лицами, являются одновременно нарушением норм и государственного, и уголовного права. Во-вторых, при этих нарушениях наступают и государственно-правовые, и уголовно-правовые последствия.

Государственно-правовые — отмена результатов голосования, признание выборов недействительными, кассация полномочий депутата (сам он при этом, естественно, ни в чем неповинен). Государственно-правовые последствия наступают при подобных нарушениях всегда, уголовно-правовые — в зависимости от тяжести содеянного и личности виновного. Следовательно, основания для применения мер государственно-правового и уголовно-правового воздействия являются одними и теми же, они рознятся не количественно, а качественно; отсюда и тождество внешнего выражения диспозиций соответствующих государственно-правовых и уголовно-правовых норм.

Самая большая по объему группа государственно-правовых отношений возникает в сфере деятельности советских представительных органов.

Должное поведение субъектов данных отношений обеспечивается огромной организаторской работой. Вместе с тем к участникам указанных отношений могут быть применены — с целью обеспечения их должного поведения — меры воздействия, предусмотренные только в нормах самого государственного права. Их следует рассмотреть особо, так как в связи с вопросом о санкциях их содержание и сущность представляют особый интерес.

1. Одним из важнейших принципов социалистической демократии является подконтрольность и подотчетность представительным органам всех иных органов государства. Осуществляя руководство последними, представительные органы дают им директивы, обязательные для исполнения, заслушивают отчеты, принимают акты, регулирующие правовое положение этих органов. В интересах обеспечения должного поведения указанных органов Конституции и текущее законодательство предусматривают ряд специфических мер воздействия на них со стороны представительных органов. Это, например, полное или частичное досрочное изменение состава органов государства. Представительные органы имеют право отменить любой акт образуемого ими органа власти или управления.

2. В соответствии с действующим государственно-правовым законодательством возможностями воздействия на деятельность подконтрольных органов обладают и Президиумы Верховных Советов. Так, в период между сессиями Верховных Советов они освобождают от должности министров с последующим утверждением Верховными Советами; отменяют постановления и распоряжения соответствующих правительств в случае их несоответствия закону. Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР вправе отменить в случае несоответствия закону постановление Совета Министров союзной республики. Президиум Верховного Совета союзной республики правомочен сделать то же самое в отношении акта правительства АССР. Президиуму Верховного Совета союзной, автономной республики принадлежит право отмены решений и распоряжений местных Советов высшей ступени — в случае их несоответствия закону. В союзных республиках, где имеются автономные области, Президиум отменяет решения и распоряжения Совета депутатов трудящихся автономной области по тому же основанию.

3. В соответствии с действующим законодательством (Конституция, законы о районных, городских и районных в городах Советах) вышестоящие Советы руководят деятельностью нижестоящих. Осуществляя руководство, они направляют, объединяют и контролируют работу нижестоящих Советов. При необходимости вышестоящий Совет вправе применить и такую меру воздействия на нижестоящий Совет, как отмена его решения или распоряжения, а также отмена решения или распоряжения исполкома нижестоящего Совета. Такая возможность предусмотрена Конституцией и законами о Советах. Причем Основной закон не указывает условий, при которых она применяется, нет уточнений и в законах о Советах. А это значит, что отмена решений может иметь место по мотивам и незаконности, и нецелесообразности их.

4. Государственное право предусматривает ряд мер воздействия, применяемых по отношению к депутатам Советов: отзыв депутата избирателями; досрочное прекращение депутатских полномочий по решению представительного органа власти, если в отношении лица, являющегося депутатом, вступил в законную силу обвинительный судебный приговор.

Как можно охарактеризовать рассмотренные меры воздействия на участников государственно-правовых отношений, предусмотренные нормами советского государственного права? Можно ли их назвать санкциями? Исходя из достаточно устоявшегося в теории права представления о санкциях⁸, для этого, на наш взгляд, есть основания.

Досрочное реформирование подотчетного органа. Данная мера применяется для того, чтобы обеспечить определенное поведение реформируемого органа. Она вызвана действиями органа, возникает именно как следствие таких действий. Не оставляет сомнений, что реформирование состава есть применение принуждения по отношению к данному органу.

Отмена актов. Поскольку характер этой меры как санкции уже достаточно полно раскрыт в теории права⁹, отметим лишь, что отмена акта одного органа другим означает, что акт был незаконным или нецелесообразным. Отмена есть оценка деятельности органа, принявшего акт. Это мера государственного принуждения, что тоже характеризует ее как санкцию.

Отзыв депутата Совета. В литературе данная мера названа санкцией¹⁰. Для этого, на наш взгляд, есть все основания. Отзыв является мерой воздействия, применяемой к депутату как субъекту государственно-правового отношения. Назначение этой меры — прежде всего организующе-предупредительное: депутат обязан определенным образом выполнять свои обязанности, в противном случае его могут отозвать. Сам отзыв, вне всякого сомнения, есть отрицательная оценка поведения депутата. Именно поэтому законы четко закрепляют основания для отзыва.

⁸ См., например, О.Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962; И.С. Самощенко, М.Х. Фарукиш, Ответственность по советскому законодательству, М., 1970.

⁹ Из новейших работ см. И.С. Самощенко, М.Х. Фарукиш, цит. соч., с. 212–213.

¹⁰ См. А.А. Безуглов, Советский депутат, Государственно-правовой статус, М., 1971, с. 201.

Досрочное прекращение полномочий депутата по решению представительного органа. Принятие подобного решения — не просто «приведение в соответствие» с судебным приговором положения лица, являвшегося депутатом. Так еще можно было бы подумать в том случае, когда по приговору назначена мера наказания, связанная с длительным лишением свободы. А если обвинительный приговор предусматривает условную меру наказания или исправительные работы по месту основной работы виновного? Если приговором предусмотрено лишение свободы на такой срок, что после его отбытия до новых выборов еще остается определенный период времени? Следовательно, дело отнюдь не в том, что с вынесением приговора и вступлением его в законную силу лицо теряет фактическую возможность осуществлять депутатские полномочия (тем более, что иногда он и не теряет этой возможности). Главное в том, что совершив уголовное преступление, депутат теряет само право продолжать осуществление депутатских полномочий. По отношению к нему применяется санкция (по существу это лишение депутатских полномочий).

Особенности государственно-правовых санкций

Признавая существование государственно-правовых санкций, необходимо отметить, что они играют весьма специфичную роль, обусловленную характером регулируемых общественных отношений и их субъектов. Главное назначение государственно-правовых санкций — организующее, воспитательное, предупредительное (профилактическое). Возможность реального применения санкции существует как крайняя мера, необходимые результаты достигаются организационными средствами, практической работой компетентных органов и лиц. Для государственно-правовых санкций характерны особые субъекты, их применяющие. Это либо органы государственной власти, либо народ непосредственно (определенная группа его — избиратели).

Санкциям в советском государственном праве присущи определенные особенности. Во-первых, они применяются только в связи с необходимостью обеспечения надлежащего исполнения норм государственного права. Это следует подчеркнуть потому, что некоторые нарушения государственно-правовых норм не сразу видны, заслоняются имеющим место одновременно нарушением норм другой отрасли права. Но наряду с этим нарушением обязательно наличествует нарушение государственно-правовых норм. Например, депутат совершил уголовное преступление. Но при этом он нарушил не только норму УК, но одновременно и требующую от него определенного поведения норму государственно-правового законодательства (Конституции, Закона о статусе депутатов, закона о Совете). И именно за это последнее нарушение применяется такая санкция, как прекращение депутатского мандата.

Во-вторых, государственно-правовая санкция существует не как санкция какой-либо одной нормы государственного права. Обычно это обобщенная санкция, которая применяется за нарушение ряда норм государственного права. Так, санкцию в виде изменения состава органа можно рассматривать

как возможную меру его ответственности за осуществление любого из полномочий, предоставленных Конституцией или законом. Отмена вышестоящим Советом решения нижестоящего может иметь место в связи с любым вопросом деятельности нижестоящего Совета и его решением. Отзыв депутата есть санкция всех тех норм, которые устанавливают обязанности депутата¹¹.

В-третьих, поскольку государственно-правовые санкции не существуют как санкции конкретных норм, то и формулируются они не в качестве части каких-либо норм, а как самостоятельные нормы в виде диспозиции. Более того, в ряде норм, формулирующих санкции, кроме диспозиции, формулируется и гипотеза нормы.

В-четвертых изложенные выше особенности государственно-правовых санкций, прежде всего особенности их формулирования, обуславливают и такую специфическую черту соответствующих норм: они могут применяться и как санкции, и как не санкции. Так, освобождение от должности министра Верховным Советом может иметь место в силу того, что он нарушил государственно-правовые нормы — не дал ответа на запрос депутата, не представил материалов по предложению постоянной комиссии, не выполнил рекомендации постоянной комиссии или просто игнорировал ее, не ответил на обращение депутата и т.п. Но в силу той же нормы государственного права министра можно освободить от должности в связи с переходом на другую работу, уходом на пенсию и т.п. Освобождение в данном случае не будет санкцией. Аналогично может поступить местный Совет в отношении члена исполкома, заведующего отделом или начальника управления. Впрочем, отдельные меры (например, отзыв депутата) применяются только как санкции.

В этой же связи следует подчеркнуть еще одну характерную черту государственно-правовых санкций: они применяются не только тогда, когда о субъекте отношения можно сказать, что он преступил закон, по и в том случае, если поведение указанных субъектов, строго говоря, невиновно (с точки зрения формально-юридической), однако о государственном органе, должностном лице, депутате можно сказать, что они «не справились с обязанностями», «не оправдали доверия». Данная черта государственно-правовых санкций обусловлена тем, что они являются выражением и воплощением политико-правовой ответственности субъектов государственно-правовых отношений, пределы которых определяются не только юридическими нормами, но и политико-идеологическими, моральными, организационными факторами¹². Это повышает общественно-политическую значимость государственно-правовых санкций. Применение их может послужить средством повышения результативности деятельности компетентных лиц и органов, эффективного функционирования институтов советской представительной системы, социалистической демократии.

¹¹ См. А.А. Безуглов, цит. соч., с. 201.

¹² См. об этом И.С. Самоценко, М.Х. Фарукишин, цит. соч., с. 35.